

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра теории государства и права и международного права

Заведующий кафедрой
д-р. юрид. наук, профессор

_____ О.Ю. Винниченко

_____ 2020 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

магистра

**ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ
СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ**

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Защита прав человека и бизнеса»

Выполнила работу
студентка 2 курса,
очной формы обучения

Рыбакова
Алена
Сергеевна

Научный руководитель
к.ю.н., доцент

Алиева
Ольга
Владимировна

Рецензент
Юрисконсульт ООО «Мать и дитя Тюмень»

Коноплич
Светлана
Викторовна

Тюмень
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ	9
1.1. ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЙ СМЫСЛ И ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ СЛОВА	9
1.2. СВОБОДА СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ..	13
1.3. ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СВОБОДЫ СЛОВА	15
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ	19
2.1. МИРОВОЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИЙ	19
2.2. ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В РОССИИ.....	23
2.3. НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ	28
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ	34
3.1. НЕСОВЕРШЕННОСТЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	34
3.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	41
3.3. БЛОГОСФЕРА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	56

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Средства массовой коммуникации от традиционных форм (печатной, аудиовизуальной, кинематограф, книги) эволюционировали к качественно новым формам, таким как сеть Интернет и мобильная связь. Это дало людям безграничные возможности производить, получать информацию и делиться ею. С одной стороны мы теперь наиболее полно способны реализовывать свое право на свободу слова, а с другой стороны, такой переход из реальности в виртуальное пространство спровоцировал рост злоупотреблений свободой слова, что является логичным ввиду ряда особенностей виртуальной среды – общедоступность, коммуникативность, массовость, высокая скорость передачи, обмена и получения информации, анонимность. Следовательно, необходимо дополнительное правовое регулирование возникающих во Всемирной паутине отношений.

Также, важно отметить, что Интернет – место пересечения людей с совершенно разными нравственными, политическими и прочими воззрениями, которые скорее всего в реальной жизни вряд ли бы стали взаимодействовать друг с другом. Это перерастает в различного масштаба конфликты и агрессию онлайн-пользователей по отношению друг к другу. Поэтому просто необходима система регулирования общественных отношений в киберпространстве, основанная на надежных правовых средствах защиты прав и свобод каждого гражданина.

В последнее время растет количество судебных процессов по поводу различных публикаций, комментариев, постов в блогах, социальных сетях, интернет-форумах. И разрешение таких дел также требует системы правового регулирования общественных отношений в сети Интернет и определения границ действия свободы слова каждого индивида в виртуальном пространстве.

Объект и предмет исследования. Общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации права на свободу слова в социальных сетях и интернет-пространстве, являются объектом исследования, а предметом исследования

выступает непосредственно право на свободу слова как правовая категория и система правового регулирования права на свободу слова в сети Интернет.

Цель и задачи исследования. Настоящее исследование преследует цель выявление сущности и всестороннее исследование содержания права на свободу слова как правовой категории и детальное рассмотрение механизма его реализации и правового регулирования в социальных сетях Интернет.

Задачами исследования, соответственно поставленной цели, являются:

- изучение и анализ научных источников, нормативно-правового и эмпирического материала, имеющегося по теме исследования;
- определение понятия и гарантий конституционной свободы слова;
- определение пределов действия свободы слова;
- характеристика ограничений свободы слова в Интернете в целях защиты конституционного строя и безопасности государства, обеспечения прав и свобод каждого гражданина;
- анализ существующих правовых средств регулирования исследуемых общественных отношений в интернет-пространстве;
- выявление и постановка проблемных вопросов процесса реализации права на свободу слова в сети Интернет.

Методологическая, теоретическая и эмпирическая основы исследования.

Методология исследования основывалась на таких методах научного познания, как диалектический метод, методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-логический методы.

Эмпирической основой исследования является система нормативно-правовых актов, куда входят международные правовые акты, Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и другие нормативные правовые акты.

Теоретической основой исследования послужили работы следующих ученых:

В.А. Кочева, А.Б. Эктумаева, А.М. Ваховского, А.А. Щербовича, А.Н. Балашова, Д.А. Новгородова и др.

Ниже приводятся положения и выводы, которые как итог исследования, выносятся на защиту:

1. Конституционное право на свободу слова входит в основные права человека, является неотъемлемым и принадлежит каждому от рождения. Свобода слова защищает сферу коммуникации людей от неограниченного чрезмерного влияния государства. Основные законы большинства существующих ныне государств и основополагающие международные нормативные акты регламентируют и гарантируют право каждого на свободу слова. Степень реального обеспечения действия свободы слова – это показатель, определяющий подлинность народовластия и демократизма власти в отдельно взятом государстве, а также идеологического многообразия, что предусмотрено частью первой статьи тринадцатой Конституции РФ.

2. Свобода слова не является абсолютной – у права на свободу слова есть свои пределы. Конституция РФ накладывает некоторые ограничения, которые, согласно ст.55 Конституции, должны содержаться в законе, соответствовать определенной Конституцией цели – защите конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечению обороны страны и безопасности государства, и должны быть необходимы для достижения этой цели. Действие свободы слова ограничиваются такими пределами, как нерушимые основы конституционного строя, закрепленные в Основном законе РФ, и система прав и свобод личности, в которой нет места злоупотреблению каким-либо правом в ущерб другому праву; институты публичной власти призваны обеспечить эти пределы.

3. Необходимая законодательная база для регулирования правового поля интернет-пространства в большинстве государств развита на недостаточном уровне, а в некоторых странах и вовсе отсутствует. Система правового регулирования свободы выражения мнений в сети Интернет в каждом государстве будет иметь свои особенности, несмотря на существование достаточного количества международных конвенций, деклараций, договоров и других нормативно-правовых актов. При этом заметна общая тенденция –

система правовых норм регулирования правоотношений в виртуальном пространстве в большинстве случаев не выделяется законодателем в специальное кодифицированное законодательство, а дополняет уже сформировавшиеся своды нормативно-правовых актов. Российская Федерация в сфере правового регулирования контента в сети Интернет следует скорее либеральной модели правового регулирования – это выявляется при анализе используемых на данный момент средств и методов правового регулирования.

4. Виртуальная информационная среда имеет свои особенности, которые нельзя упускать из внимания – это открытый доступ для неиссякаемого числа пользователей и постоянное неограниченное расширение аудитории, вовлеченность многочисленных масс пользователей, анонимность, постоянное взаимодействие пользователей друг с другом в различных формах, высокоскоростное перемещение разных объемов информации, мультимедийность (предоставление информации в различных формах), частое отсутствие предварительного контроля содержания информации, интерактивность (взаимодействие с пользователями, обеспечение двусторонней коммуникации), что осложняет возможность правового регулирования реализации прав и свобод граждан в этой сфере, а также ведет к злоупотреблению граждан этими правами, в особенности свободой слова. Ввиду всех этих особенностей правовое регулирование свободы слова в сети Интернет будет результативным при условии, если государственное законодательное регулирование объединит усилия с регулированием на уровне крупных информационно-коммуникационных интернет-ресурсов, крупных социальных сетей, и при условии обмена успешным международным опытом правового регулирования Интернета между государствами.

5. В настоящее время власти нашей страны постепенно видоизменяют процесс правового регулирования свободы слова в сети Интернет – механизм регулирования теперь представляет собой уже не только реагирование на фактически опубликованную в сети информацию, в наши дни создана система многоуровневого отбора допустимого интернет-контента, с дозволением при

определенных условиях блокирования интернет-ресурсов без использования судебных решений, а на основе усмотрения уполномоченных органов, которая продолжает совершенствоваться.

б. Наблюдается тенденция к наращиванию ресурсов и влияния блогов в социальных сетях – они являются очень сильными рычагами воздействия на общественное сознание, люди доверяют «лидерам мнений» и часто следуют их позиции, прислушиваются к их мнению, считают выданную ими информацию безоговорочно достоверной, и даже порой копируют их образ жизни, стараются подражать. В силу этого факта безусловно необходим государственный контроль этой сферы Интернет-сети, чтобы обеспечить информационную безопасность общества и государства. Не смотря на то, что ведущая роль в регулировании свободы выражения мнений в социальных сетях и в частности в блогах принадлежит государству, нельзя забывать о том, что устанавливаемый со стороны государства контроль не должен лишать каждого конкретного индивида или общества в целом доступа к полной и объективной информационной и новостной картине происходящего в нашей стране и мире.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, трёх параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы (библиографии).

Введение содержит обоснование актуальности темы исследования, определение степени её разработанности, объект и предмет, цели и задачи проведенной работы, методологическая, теоретическая и эмпирическая основы исследования.

В первой главе раскрывается понятие, правовой смысл, гарантии и пределы действия свободы слова.

Во второй главе внимание уделяется характеристике особенностей реализации права на свободу слова в социальных сетях Интернет.

Третья глава посвящена анализу проблем реализации права на свободу слова во Всемирной паутине.

Заключение содержит главные положения и выводы проделанной исследовательской работы и определены шаги дальнейшего возможного

развития правового регулирования процесса реализации гражданами права на свободу слова в сети Интернет.

ГЛАВА 1. ПРАВО НА СВОБОДУ СЛОВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

1.1. ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЙ СМЫСЛ И ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ СЛОВА

Институт прав и свобод человека – это основа всей системы конституционного права. Он выступает ограничителем произвола государственной власти и сердцевинной конституционного строя. С точки зрения философии основой института прав и свобод человека выступает восприятие свободы как естественного состояния человека и как высшей ценности после самой жизни. Для того, чтобы осознать содержание понятия «свобода» и ее соотношение с государством, людям потребовалось большое количество времени.

Так, в XVIII в. естественно-правовой смысл свободы был обозначен на уровне законодательных правовых актов, таких как Декларация независимости США 1776 г., в которой говорилось о том, что Создатель создал всех людей равными и одарил их правами, которые никто не вправе у них отчуждать, в числе которых жизнь, свобода и стремление к счастью, и для обеспечения которых созданы «среди людей» правительства, «заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых». Другой пример – Декларация прав человека и гражданина 1789 г. во Франции закрепила положение о том, что свобода и равноправие даются людям с рождения и о том, что высшей целью организации общества в форме государства является обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека, в список которых входит свобода, право собственности, безопасность и «сопротивление угнетению». Государства, где все процессы развития строятся на принципе свободы, достигли больших высот в экономической, культурной, научной, технической сферах. Пример построения общества в отсутствие свободы – социалистическая модель, продемонстрировавшая в качестве результата застой и деградацию.

Вторая половина XX в. характеризуется пиком идейно-политической борьбы вокруг прав и свобод человека, падением тоталитарных режимов и прочным закреплением прав и свобод человека на международном уровне.

Философско-правовое понимание свободы постоянно изучается и развивается учеными философами, политологами и юристами, с целью найти баланс между свободой и социальной справедливостью и государственным регулированием.

М. В. Баглай характеризует конституционно-правовое учение о свободе следующим образом: 1. Свобода дается человеку от рождения и никто не вправе отчуждать ее, а главное назначение государства – обеспечивать и охранять эту свободу. 2. Свобода человека не может быть абсолютной, она ограничена свободой других людей. 3. Закон – есть мера свободы. При условии, если закон – демократический, свобода и правопорядок не являются антагонистами. 4. Закрепление прав на законодательном уровне помогает индивиду осознать свои возможности и права, но тем не менее ни один законодательно установленный перечень прав не является исчерпывающим. 5. Ограничение прав допускается исключительно для обеспечения общего благосостояния в демократическом обществе [Баглай, 2007, с. 362].

Приведенные выше философские постулаты непременно относятся к конституционно-правовой концепции, и именно они легли в основу российской Конституции.

Конституция РФ юридически оформляет основополагающие отношения между личностью и государством, фундаментальным принципом которого является – признание важнейших основных прав каждого индивида с момента рождения и до момента смерти и невозможности лишения его этих важнейших основных прав.

Право на свободу слова можно отнести к основным правам. Право на свободу слова включает в себя право свободно распространять мнения, идеи, суждения, свободу информации и свободу средств массовой информации. По мнению В.А. Кочева, это является ограничительным толкованием и право на

свободу слова представляет собой гарантию невмешательства государства в важнейшую сферу человеческой жизни – коммуникацию [Кочев, Эктумаев, с. 138].

Когда мы говорим о коммуникации, то подразумеваем, что свобода слова состоит из свобод и запретов таких, как: 1) возможность свободно производить и искать информацию, делиться информацией с окружающими, в том числе в форме сообщений, используя при этом любые доступные механизмы связи, возможность беспрепятственно и лично получать и расшифровывать информацию, получаемую из сообщений; 2) свобода иметь и сохранять свое мнение, точку зрения, убеждение, придерживаться их; 3) гарантия обеспечения защиты всех субъектов, ведущих коммуникационную деятельность; 4) запрет на произвольное вмешательство властей в коммуникационную деятельность; 5) запрет на ограничение деятельности каналов передачи информации; 6) запрет принуждать к выражению мнений, идей и убеждений; 7) недопущение произвольного вмешательства в деятельность операторов связи; 8) запрет цензуры [Кочев, Эктумаев, с. 139]. Гармоничное сосуществование и развитие людей в социуме невозможно в отсутствие свободы коммуникации. А возможность свободной коммуникации гарантируется правом на свободу слова. Так, в Преамбуле Всеобщей декларации прав человека свобода слова и убеждений занимает одну из ключевых позиций.

Когда мы говорим о свободе слова как о субъективном праве, мы имеем в виду три части составляющих единое целое. Первое – это использование лицом всех правомочий, предоставленных ему этой свободой, таких как право искать и создавать информацию, делиться ею, передавать в форме сообщения, то есть право человека на собственное действие (либо бездействие). И также субъект волен отказаться от использования этого права, что устанавливает часть 3 статьи 29 Конституции РФ – никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Второе – возможность требовать соответствующего правомерного поведения от правообязанного лица, то есть право на чужие действия. Под правообязанными лицами здесь понимаются все

субъекты, которые могут своими незаконными действиями ограничивать право на свободу слова других субъектов. И третье – это возможность мер государственного принуждения в случае нарушения субъектом права другого субъекта, который вправе использовать средство судебной защиты нарушенного права. Таково содержание свободы слова как субъективного права.

Существуют различные точки зрения на то, является ли свобода слова элементом группы личных или политических прав. При разграничении этих понятий необходимо помнить, что под политическими правами понимаются права, касающиеся непосредственно политических интересов гражданина. Они гарантируют каждому индивиду возможность участия в политической жизни государства. К числу политических прав относятся: право на мирные собрания; право на свободу мысли; право на свободу ассоциаций; право на свободу искать, получать, распространять информацию; право на участие в ведении государственных дел непосредственно или через своих представителей; право беспрепятственно придерживаться своих мнений; избирательное право и т.д. Отличие политических прав от личных составляет то, что политическими правами обладают только граждане государства. Ученые, исследовавшие соотношение этих двух понятий и отнесение права на свободу слова к какой-либо группе прав приходили к различным выводам. Так, М.В. Баглай относит исследуемое право к личным правам человека [Баглай, 2004, с. 512]. О.Е. Кутафин и Е.И. Козлова придерживаются такой же точки зрения, мотивируя это тем, что свобода слова адресована каждому человеку, и не отрицают возможности отнесения права на свободу слова одновременно и к политическим правам [Козлова, Кутафин, с. 53]. По мнению С.А. Авакьяна, свобода мысли и слова подразумевает выражение аспектов личной жизни и индивидуальной свободы человека в публичной сфере, то есть это часть общественно-политической жизни [Авакьян, с. 13]. И правильнее будет рассматривать свободу слова не с какой-то одной стороны – как основное или как политическое право человека и гражданина, но как комплексную правовую категорию.

Содержание свободы слова подразумевает любые формы выражения человеческой мысли – будто то право говорить или выражать свои мнения и идеи печатно в произведениях изобразительного искусства, литературе и музыке, результатах научных исследований и т.д. Кроме того свобода слова подразумевает публичное выражение своих взглядов на что угодно в любой форме коммуникации людей.

Конституция РФ провозглашает право на свободу слова при этом устанавливая его границы недопустимостью пропаганды или агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.

Проявление свободы слова многообразно, что позволяет отнести ее и к группе личных прав и группе политических прав. Статья 29 Конституции также разделилась, где первые три части трактуют эту свободу в личностном плане, а другие две – в политическом.

1.2. СВОБОДА СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Понятие «правовое регулирование» в общем смысле понимается как сознательно-волевое упорядочение уполномоченными на то властными органами различных возникающих общественных отношений через установление запрещающих, предписывающих или рекомендательных общеобязательных норм, которые регулируют права и обязанности участников общественных отношений. Проблема определения предмета правового регулирования как понятия является одной из ключевых в правоведении. Прежде чем дать определение «предмету правового регулирования», необходимо обратиться к фундаменту теории права и правового регулирования – а именно к трудам ученых-философов.

Так, И. Кант раскрывает признаки общественных отношений, представляющих предмет правового регулирования. Это такие признаки, как необходимость проявления регулируемых отношений в различных формах во внешнем мире; взаимное прямое или косвенное воздействие субъектов в рамках регулируемого отношения; необходимое выражение воли субъектов при возникновении, изменении, прекращении общественного отношения; наличие свободы волеизъявления субъекта общественного отношения, которая при этом ограничивается свободой других участников правоотношения. Исходя из обоснованных ученым признаков правоотношения, И. Кант приходит к такому определению права как совокупности нюансов, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы [Кант, с. 396].

Также Г.В.Ф. Гегель характеризует предмет правового регулирования в своих работах, соглашаясь в некоторой степени с И. Кантом: право регулирует только те отношения, которые находят внешнее проявление, не касаются внутренней сферы человеческих отношений [Нерсисянц, с. 151]. На это указывал и К. Маркс: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, - я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия – это единственная область, где я сталкиваюсь с законом» [Маркс, Энгельс, с. 14].

Притом К. Маркс представляет материалистическое течение философской мысли, Г.В.Ф. Гегель – объективный идеалист, И. Кант – субъективный идеалист, все трое ученых сходятся во мнении, что только те общественные отношения, которые объективно проявляются во внешнем мире, можно характеризовать как предмет правового регулирования.

Таким образом, предметом правового регулирования является совокупность всех общественных отношений, на которые целенаправленно воздействует право и которым присущи такие свойства, как: внешне выраженное взаимодействие субъектов отношений; выражение воли и целеполагания

субъектов отношений; устойчивость регулируемых общественных связей, типичность и повторяемость возникших отношений; возможность контроля общественных отношений извне; предоставление субъектам возможности выбора из нескольких вероятных вариантов поведения.

1.3. ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СВОБОДЫ СЛОВА

Свобода слова не является абсолютной – Конституция РФ накладывает некоторые ограничения. Общие условия ограничения должны быть прописаны в законе и преследовать определенную высшим законом цель, а именно цель обеспечения нерушимости конституционного строя, обеспечения нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также будут необходимы для достижения этой цели, согласно статье 55 Конституции РФ. При этом любые ограничения налагаются исключительно с учетом требований разумности, справедливости и соразмерности.

В научной литературе встречаются два понятия, которые необходимо разграничить – это «границы конституционных прав и свобод» и «пределы конституционных прав и свобод», в виду того, что по мнению большинства ученых они не совпадают по своему содержанию, не являются тождественными.

Наиболее полноценным и точным представляется определение пределов конституционных прав и свобод Л.В. Воеводина, - характерная для каждого исторически конкретного государства совокупность критериев и ориентиров, сложившихся на основе социальных ценностей, существующих в исторически конкретном обществе. Под критериями и ориентирами понимаются рассчитанные на долгую перспективу интересы общества и государства, стремление обеспечить благополучие граждан, их общественную жизнь в согласии и мире [Воеводин, с. 47]. В то же время определение, установленное

Л.В. Воеводиным недостаточно конкретизировано и над этим поработали другие ученые.

Так, Б.С. Эбзеев отождествляет пределы основных прав с конституционным строем [Эбзеев, с. 32]. В.В. Лапаева пишет о том, что пределы конституционных прав задаются принципом формально юридического равенства, согласно части 3 статьи 17 Конституции РФ [Лапаева, с. 11].

Рассмотренную литературу можно объединить следующим выводом: пределы основных прав и свобод определяются такими ориентирами, как 1) основы конституционного строя; 2) основы правового статуса личности; 3) условия их непосредственного действия, обеспечиваемые институтами публичной власти, устанавливаемые Основным законом.

Также в постановлениях Конституционного суда РФ упоминается понятие «пределы конституционных прав и свобод»: такие пределы рассчитаны на обеспечение сосуществования конституционных ценностей и конкурирующих прав и интересов в сбалансированном состоянии.

Определение понятия «границ конституционных прав и свобод» не представляется возможным без соотношения с понятием «пределов». Границы отделяют поле действия какого-либо конкретного права: за этими границами находятся права других субъектов правоотношения. Основой для определения границ конституционных прав и свобод является Конституция РФ. Среди видов границ конституционных прав и свобод по характеру закрепления в тексте Конституции выделяют наиболее важные – границы, имманентные основным правам. Подробно их рассматривает в своей статье Эктумаев А.Б.: имманентные основным правам границы определены сферой действия каких-либо правовых норм, регламентирующих права и свободы, другими словами любая правовая норма применяется только для определенных правоотношений, правовых явлений, правовых вопросов. Для примера, внутренней границей права на свободу вероисповедания объективно является «вера», права собственности – «собственность», права на свободу слова – «свобода коммуникации». А сфера коммуникации тоже включает исчерпывающий круг вопросов сферы права на

свободу слова, в которых очерчиваются внутренние границы свободы слова [Эктумаев, 2017, с. 47].

Существуют еще исключения из конституционного статуса человека и гражданина, допускаемые Основным законом, которые можно приравнять по значению к границам конституционного права. Из этого следует, что согласно теории конституционного права «границами» права на свободу слова будут выступать: запрет определенных видов агитации и пропаганды (ч.2 ст. 29 Конституции РФ), запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч.1 ст.24 Конституции РФ), обязанность давать свидетельские показания, установление ответственности за сокрытие информации, указанной ст. 41 и 42 Конституции (фактически представляет собой принуждение к коммуникации).

Границы конституционных прав должны устанавливаться также исходя из требования целостности Конституции, так как конституционные права и свободы являются элементами конституционного строя. Следовательно границы права на свободу слова выстраиваются с учетом таких требований, как требование государственной охраны достоинства личности, права на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту чести и доброго имени. Этот список может быть продлен, так как отличительные черты между свободой слова и другими регламентированными Конституцией ценностями иногда представляются не явными из-за различных жизненных обстоятельств и условий. Потому в соответствие с Конституцией РФ законодатель имеет полномочие самостоятельно «настраивать» границы конституционных прав и свобод (об этом говорит ч.3 ст.55 Конституции): законодатель полномочен ограничивать основные права федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Также важно обратить внимание на статью 56 Конституции, где говорится: в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в

соответствии с федеральным конституционным законом могут быть установлены отдельные ограничения прав и свобод. В вопросе определения пределов и границ конституционных прав эта оговорка также играет важную роль.

Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что пределы действия свободы слова определяются: основами конституционного строя, закрепленными в Конституции, основами правового статуса личности, закрепленными в Конституции РФ, конституционными условиями осуществления права на свободу слова, обеспечиваемыми институтами публичной власти. Существует и так называемые внутренние пределы права на свободу слова, которая определяется по предмету гарантии права, и соответственно для свободы слова имманентной границей будет свобода коммуникации. Также, непосредственные указания на границы права на свободу слова содержатся в самом тексте Конституции: запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч.1 ст.24 Конституции РФ), запрет определенных видов агитации и пропаганды (ч.2 ст. 29 Конституции РФ), обязанность давать свидетельские показания, установление ответственности за сокрытие информации, указанной ст. 41 и 42 Конституции.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ

2.1. МИРОВОЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИЙ

Анализ международного опыта использования средств правового регулирования интернет-контента выявил отсутствие необходимой для того законодательной базы в некоторых странах. Тем не менее можно выделить пять систем регулирования права на свободу слова и свободу коммуникации в сети Интернет [Прокофьева, с. 3]:

Для азиатских стран характерно расплывчатое определение категорий блокируемого контента, предоставляющее правительству значительные возможности в области цензуры (Вьетнам, Китай, КНДР, Сингапур); Рестрикционная модель – пристальное внимание государства, как правило, обращено на деятельность Интернет-ресурсов радикальной политической оппозиции и правозащитных групп (Иран, Сирия, Эфиопия, Узбекистан); Интернет-политика стран Ближнего Востока выделяется превалирующим религиозным фактором при принятии решений, касающихся государственного регулирования Интернет-ресурсов (Саудовская Аравия, Катар, Оман, Бахрейн, Йемен, Объединенные Арабские Эмираты); Курс либеральной политики в отношении Интернета был избран такими странами, как США, Бразилия, Япония и характеризуется стремлением избежать централизованного и систематического блокирования определенных категорий Интернет-ресурсов, принятие властями мер к закрытию нарушающих закон ресурсов и преследование их владельцев. Для континентальной Европы характерна система регулирования настроенная на фильтрацию социально-опасных ресурсов по четко обозначенным категориям, на борьбу с нарушением авторских прав;

Стоит отметить, что вопросы правового регулирования сети Интернет зачастую тесно связаны с текущими задачами развития конкретной

национальной правовой и политической системы в конкретно рассматриваемом государстве. Из чего можно сделать заключение о том, что технология правового регулирования правового поля Интернета в каждом государстве будет иметь свои особенности, несмотря на большое количество действующих международных договорных нормативно-правовых актов. При этом выделяется одно общее свойство – во многих государствах нормы правового регулирования сети Интернет чаще всего не выделяются в специальное кодифицированное законодательство, а включаются в уже сформированные действующие нормативно-правовые акты.

Разберем модели правового регулирования виртуального пространства США, европейских стран, Ирана и Китая, так как их модели представляют наибольший интерес.

По некоторым исследованиям США входит в число лидеров по «свободе интернет-пространства» [Freedom]. США выбрало путь минимальной степени контроля Интернет-пространства государственными структурами. Выбранная американским правительством стратегия подкреплена первой поправкой к Конституции США, в которой говорится о том, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати...» Поэтому большая часть регулирования виртуального пространства представляет собой процедуры, направленные на защиту информации частного характера и интеллектуальной собственности и на обеспечение честной конкуренции в области коммерческой деятельности в сети. Одним из методов фильтрации непосредственно политически значимого контента является реализация полномочий американских правоохранительных органов по мониторингу контента в интернете в соответствии с Законами «О противодействии терроризму» и «О надзоре за деятельностью спецслужб». США имеет достаточно гибкий механизм управления Интернетом.

Подобно США, баланс между обеспечением реализации права на свободу слова граждан и обеспечением общественной безопасности в веб-системы пытаются соблюсти и некоторые европейские страны. Общей особенностью

правового регулирования Интернет-сферы для рассматриваемого региона является фильтрация и блокирование контента, негативно влияющего на подрастающее поколение и нарушающего авторские права. В Германии детей от вредного контента защищает действие нормативно-правовых актов «О распространении материалов вредных для молодежи» и «О барьерах в Интернете», которые ввел список запрещенных материалов, которые распространяются на просторах социальных сетей и сообществ, и, основываясь на которых, немецкие интернет-провайдеры устраняют недопустимый контент. Например, в Соединенном Королевстве все компании обеспечивающие мобильную связь обязаны предварительно устанавливать на всех смартфонах фильтрационное программное обеспечение, в соответствии с действующим законодательством [The Protection].

Французы в основном используют два основных метода обнаружения и блокирования нежелательного контента – это условно-добровольная блокировка с уведомлением со стороны провайдера и принудительная блокировка ресурса на основании судебного решения. Эти механизмы обеспечиваются прежде всего Законом «О безопасности интернета» 2011 года, который успешно работает на искоренение всех предполагаемых способов распространения детской порнографии. Также, в соответствии с этим законом, возможно приостановление действия сайтов по представлению органов исполнительной власти. Персональные данные в сети Интернет также находятся под законодательной защитой - предусмотрена уголовная ответственность за кражу и незаконное использования персональных данных в сети Интернет.

Выше рассмотрен опыт регулирования Интернета европейских стран и стран, выбравших либеральную позицию. Совершенно иную модель представляет собой правовое регулирование веб-пространства в Иране. Действия, предпринимаемые властями этой страны идут в разные направления: с одной стороны, правительство Ирана поддерживает и поощряет развитие этой информационной инфраструктуры, а с другой стороны - пытается установить контроль над всем контентом, публикуемым пользователями. Правовое

регулирование начинается с основного закона страны – конституции, где указывается что деятельность информационно-коммуникационных сетей и средств не может противоречить Исламу и нести какое-либо разрушительное воздействие. Далее это положение подкрепляется иранским законом о деятельности средств массовой информации. Все национальные провайдеры действуют на основании специального разрешения госорганов, а пользователи письменно обязуются не посещать «антиисламские» сайты. При этом лицензию провайдеры получают на условии, что провайдер установит систему фильтрации, которая отсеивает «вредные» интернет-ресурсы из перечня, предоставляемого правительством. Последнее десятилетия Иран предпринимает действия следуя плану создания модели Национального интернета, который сможет установить сильную защиту государства от киберугроз, сможет ограничить доступ пользователей к иностранному контенту. Похоже, что правительство Ирана избрало путь создания полностью изолированной интернет-сети (что уже разнится с нашим современным пониманием функции и значения Интернета), и, возможно, будет ему следовать, либо же пойдет по пути сохранения доступа к внешнему трафику, но с еще большим объемом контроля Интернета со стороны государства, как, к примеру, в Китае.

Следующая страна, система правового регулирования веб-пространства которой представляет отдельный интерес – это Китай. Китай – один из крупных лидеров по числу пользователей Интернета среди других государств, с высоким уровнем развития развлекательной и коммерческой составляющей интернет-сегмента. При этом в Китае сформировался отлаженный механизм регулирования политического контента, состоящий из систем фильтрации контента, механизмов блокировки поиска нежелательной информации, ручной системы фильтрации контента, публикуемого в социальных интернет-сетях и блогах. Уполномоченные органы власти составляют перечень нежелательных интернет-ресурсов, этот список состоит из сайтов политической направленности, сервисов, которые китайские власти не в состоянии контролировать, такие как Facebook.com, Youtube.com, Twitter.com. К

некоторым ресурсам открыт лишь частичный доступ, например к Википедии. Но в Китае разработали свои собственные аналоговые сервисы – Baidu (вместо Google), Renren (Facebook), Sina Weibo (Twitter) и другие [Ваховский, с. 6]. Вся система работает на обеспечение цензуры политического контента и государственного контроля за деятельностью ключевых участников интернет-рынка.

Таким образом, государство заинтересовано в регулировании двух основных сегментов Сети – политический контент и информация, так или иначе нарушающая социальные нормы. Так, под сферу государственного регулирования попадают информация и ресурсы, поддерживающие оппозицию существующей власти, содержащие сообщения, в которых прослеживается неуважение к власти, сайты, посвященные защите прав человека, сайты религиозных движений, сект, неодобряемые государством, сайты, разжигающие межнациональную и религиозную рознь, призывающие к насилию и т.д..

Проблема регулирования интернет-коммуникаций в России на данный момент как никогда актуальна, ведь русскоязычный сегмент пользователей Сети – один из крупнейших в мире. Существующие на данный момент времени средства правового регулирования интернет-контента в Российской Федерации скорее относятся к либеральной модели, которой характеризуются большинство стран западной демократии. Рассмотрим правовое регулирование интернет-коммуникаций в России подробнее.

2.2. ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В РОССИИ

По данным о состоянии цифровой сферы Digital 2020, на начало 2020 года более 4,5 миллиарда людей пользуются интернетом, что на 7% больше значения в прошлогоднем отчете, а аудитория социальных сетей перешла отметку в 3,8 миллиарда. При этом в Российской Федерации по данным Digital

2020 118 миллионов активных интернет-пользователей, а это 81% населения; и социальными сетями пользуются 48% населения страны [Сергеева].

Известный исследователь информационного общества М. Кастельс очень точно и ёмко определил феномен, с которым столкнулся современный мир, - «реальная виртуальность». Кастельс заявляет о том, что реальность воспринимается через призму виртуальности [Кастельс, с. 271]. В таких условиях актуализируются проблема свободы слова и информации в глобальном информационном пространстве. Понятия свободы слова и медиасвободы политизируются и становятся главным показателем демократичности конкретного общества, принадлежности к «цивилизованному миру».

Общественные отношения, складывающиеся в Интернет-пространстве и попадающие в поле правового регулирования, остаются наименее урегулированными со стороны государства ввиду быстрого развития этой сферы – законодатель попросту не успевает за всеми тенденциями цифровизации общества. Во времена создания единого глобального информационного пространства понятие о конституционных правах конкретизируется законодателем и претерпевает изменения, чтобы соответствовать духу текущего времени [Витрук, с. 94].

На сегодняшний день под свободой слова мы понимаем совокупность правомочий, таких как получение, производство, передача, распространения информации. Нельзя не согласиться с мнением о том, что свобода слова является составной частью системы средств массовой информации, и находит свое выражение через их деятельность [Щербович, с. 48]. Следовательно реализации права на свободу слова может вступать в конфликт не только с частными, но и с публичными интересами. В связи с этим правовые пределы свободы слова достаточно определены в действующем законодательстве в следующих нормативно-правовых актах: ч.3 ст.55 Конституции РФ, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «О персональных данных»;

Федеральный закон от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе». С учетом того, что традиционные средства массовой коммуникации эволюционировали с появлением глобальной сети, необходимы новые пути правового регулирования, чтобы и в новых условиях успешно разрешался конфликт реализации права на свободу слова каждого человека с другими частными и публичными интересами.

До появления в нашей жизни интернета в 1990-х годах, информация и любой контент были строго подконтрольны государству: распространение печатных и аудиовизуальных СМИ на конкретной территории находилось под юрисдикцией конкретного государства. Большая часть информационного контента не выходила за рамки четко очерченных границ определенных территориальных единиц. Цифровой контент и интернет размыли эти границы. К «размытым границам» суверенитета регулирования контента добавились глобализация информации и разрастающееся многоязычие создаваемой и распространяемой информации. Растущая популярность таких социальных цифровых площадок как «Youtube», «Twitter», «Facebook» создает единую глобальную сферу общественных отношений, требующих правового регулирования. Таким образом, усилий государственного уровня возможно недостаточно для установления баланса между универсальным общепризнанным правом на свободу слова, а именно свободу получать и распространять информацию, и недопустимостью определенных видов контента [Свобода выражения мнения в Интернете].

Виртуальная информационная среда обладает такими свойствами как общедоступность (широкая аудитория пользователей и возможность ее неограниченного расширения), многочисленность пользователей, анонимность (возможность коммуникации в режиме инкогнито), коммуникативность, высокая скорость получения и распространения информации, мультимедийность (предоставление информации в различных формах), частое отсутствие

предварительного контроля содержания информации, интерактивность (взаимодействие с пользователями, обеспечение двусторонней коммуникации), что осложняет возможность правового регулирования реализации прав и свобод граждан в этой сфере, а также ведет к злоупотреблению гражданами этими правами, в особенности свободой слова.

По мнению А.Н. Балашова, самой важной особенностью Интернет-среды является интерактивность. Исследователь говорит о том, что в этой среде пользователь может выступать одновременно и объектом и субъектом коммуникации в результате осуществления возможности самостоятельного создания пользователями контента в социальных медиа [Балашов, с. 114]. Ведь не секрет, что наиболее популярными и посещаемыми сайтами являются блоги, социальные сети, сайты для размещения видеоконтента.

В работах различных исследователей появляется новый термин «интернет-отношения» и определяются особенности этого вида общественных отношений. Так, например, под интернет-отношениями Глушков А.В. имеет в виду любые виды отношений в пространстве Интернета, участники которых обладают соответствующими субъективными правами и обязанностями [Глушков, с. 54]. Д.А. Новгородов определяет интернет-отношения как общественные отношения между субъектами сети «Интернет», возникающие, существующие и прекращающиеся в виртуальном пространстве, которые опосредуются электронным обменом информацией и характеризуются наднациональным характером [Новгородов, с. 121].

Правоотношения, возникающие во всемирной паутине, характеризуются как сложное правовое явление и имеют структуру: субъекты правоотношения, объект правоотношения и содержание. Среди ученых не сложилось единого мнения по поводу определения и состава субъектов рассматриваемых отношений, но при этом точки зрения различных правоведов в большинстве случаев не противоречат друг другу и общей теории права. Из исследований можно сделать вывод о том, что субъекты интернет-отношений – это обладатели определенных прав и обязанностей, имеющие доступ в интернет; то есть это

могут быть граждане с любым статусом гражданства, представляющие собой группу физических лиц и компании, т.е. юридические лица (например, провайдеры); все субъекты должны обладать правосубъектностью, включая право-, дееспособность и деликтоспособность.

Можно выделить некоторые особенности субъектов интернет-отношений:

- не всегда представляется возможным определить является ли субъект, с которым вступаешь в правоотношение дееспособным;
- на территории Интернета появляются «виртуальных» юридические лица, не всегда существующие в реальной действительности;
- появление автоматизированных сервисов, программ-роботов, позволяющих вступать в отношения автоматически;
- трудность в определении физического местонахождения субъектов.

Не представляется возможным ограничить круг объектов интернет-отношений, так как в виртуальном пространстве могут реализовываться любые виды общественных отношений. Специфику юридического содержания правоотношений, воплощенного в субъективных правах и обязанностях их участников, определяет виртуальная окружающая среда, в которой они возникают.

Необходимо также дать толкование и охарактеризовать понятие «социальная сеть». Понятие «социальная сеть» до появления виртуального мира имело место быть в нашем реальном мире. Впервые понятие социальной сети появилось в середине двадцатого столетия благодаря исследователю Дж. Барнсу, который определил социальную сеть как социальное пространство, внутри которого люди знакомы друг с другом [Бритвин, с. 47]. В 1987 году психологи М.С. Денофф и П.А. Пилконис раскрыли понятие «социальной сети» как набор межличностных отношений между людьми. Социальные сети реального мира и социальные сети виртуального мира – это, разумеется, разные понятия. Достоверность информации, передаваемой в социальной сети реальной действительности обуславливается настоящим фактическим взаимодействием между людьми – членами сети, как правило знакомыми друг с другом.

Взаимодействие в веб-пространстве специфично в силу именно этого свойства виртуальности социальной сети. Итак, в виртуальной реальности социальные сети дают своим пользователям возможность настроить свое частное пространство среди взаимодействия с другими пользователями. Также приводятся различные классификации социальных сетей: например, социальные сети по критерию технологических особенностей построения программы могут быть открытыми, закрытыми, условно открытыми; по направленности – узкотематическими, полемическими, информационными и др. [Муромцев, Муромцева, с. 89]

Таким образом, многие ключевые определяющие специфику виртуального пространства понятия определены лишь доктринально, но и то различия есть в определениях основных понятий разными исследованиями, законодательно специальные термины, формирующие интернет-пространство не определены.

2.3. НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Основные положения регулирования сети Интернет установлены в первую очередь основным законом – Конституцией РФ: основной закон оберегает информацию о частной жизни лица, не позволяет проводить какие-либо манипуляции с этой информацией без согласия частного лица (ст. 24); основной закон допускает любые правомерные методы проведения каких-либо действий с информацией; гарантируется свобода деятельности средств массовой информации, цензура – под запретом. Любые вопросы, входящие в сферу информации и связи, являются предметом ведения исключительно Российской Федерации, представляющие собой стратегически важные вопросы(ст.71). Безусловно, свобода слова не может быть безграничной, и границы права на свободу слова также затронуты и обозначены Конституцией ради соблюдения прав и интересов друг друга, соблюдения общественных интересов, обеспечения

безопасности и порядка, в этой части Конституция дублирует статью 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В течение последнего десятилетия российское государство всерьез озадачилось вопросом правового регулирования интернет-пространства, а в частности реализации некоторых конституционных прав пользователями Сети. После 2012 года было принято несколько нормативно-правовых актов с общей тенденцией к ограничению поля общественных дискуссий, в особенности в Интернет-пространстве [Кондрашев, с. 114]. Международная правозащитная организация Human Rights Watch в 2017 году опубликовала статью о системе ограничений свободы слова в России – «Онлайн и по всем фронтам. Наступление на свободу выражения мнений в России», где были вынесены на обсуждение все вызвавшие общественный резонанс законодательные инициативы последнего десятилетия [Наступление на свободу выражения мнений в России]: закон о защите чувств верующих (ФЗ от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса РФ и отдельные законодательные акты в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан), так называемый закон Лугового (ФЗ от 28.12.2013 №398-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), вступивший в силу в 2013 году он позволил уполномоченным властным органам в течение 24 часов и без судебного разрешения блокировать онлайн-ресурсы, распространяющие призывы к массовым беспорядкам, экстремистским действиям или участию в несанкционированных массовых мероприятиях; принятый в декабре 2018 года так называемый закон Яровой (ФЗ от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности; закон о борьбе с колумбайн-сообществами (ФЗ от 06.07.2016 №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») о блокировке не только информации,

толкающей детей на совершение противоправных действий, но и контента, который склоняет несовершеннолетних к действиям, представляющим опасность для их жизни и здоровья.

В марте 2019 года вступили в силу два важнейших федеральных закона, направленных на недопущение распространения недостоверной информации, излагаемой под видом достоверных сообщений в сети, и на пресечение деятельности ресурсов, где в неприличной форме выражено явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ и органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. Недопущение распространения так называемой «фэйковой» информации закрепил Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который предусматривает ограничение доступа к соответствующим информационным ресурсам в случае распространения «заведомо недостоверной общественно значимой информации, распространяемой и под видом достоверных сведений, которая создает угрозу жизни и здоровью граждан, массового нарушения общественного порядка, общественной безопасности, прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, наступления тяжких последствий», а также предусматривает механизм ограничения доступа к опубликованной недостоверной информации.

Знаменитый «закон о неуважении к власти» призван «обезвредить» информационные ресурсы, где обнаружены любые публикации, которые каким-либо образом принижают достоинство, добрую репутацию, эффективность органов государственной власти или должностных лиц, а также символы государства и правоохранительных органов. При обнаружении подобных публикаций Роскомнадзор блокирует ресурс-источник, предварительно уведомив за 24 часа авторов или владельца информационного ресурса, тем самым предоставляя возможность нарушителю убрать публикацию со

всеобщего обозрения самостоятельно. Правонарушителю грозит административное наказание и штраф до трехсот тысяч рублей.

Законодательно установлен запрет на информацию, причиняющую вред обществу, прежде всего подрастающему поколению. Так, в соответствии с Федеральным законом № 139-ФЗ от 28.07.2012 организован Единый реестр запрещенных сайтов, на которых размещена информация, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено. Досудебное закрытие сайта возможно после решения федерального органа при наличии определенной информации (например, информации о способах совершения суицида и призывов к его совершению), а также информации распространение которой запрещено решением суда (экстремистские материалы, онлайн казино и др.).

В течение последнего времени законодатель предпринимал действия, чтобы законодательство отвечало вызовам современности, а именно новой информационной реальности: предпринимались и предпринимаются попытки регулирования общественных отношений в Рунете, с учетом и частных и публичных интересов. И не всегда такие попытки были удачными: порой законодатель отступает от принципа правовой определенности и иных условий допустимости ограничения конституционных прав и свобод.

Таким образом, по наблюдениям и фактическим действиям со стороны властей можно сказать, что наше государство взяло курс, «оттолкнувшись» от реагирования на фактически размещенный контент в сети, по направлению к жестко контролируемому государством механизму многоуровневой фильтрации интернет-контента, причем без использования судебных решений только на основе усмотрения уполномоченных органов, использующих оценочные и неопределенные основания для принятия решений, что расширяет возможности для юридически опосредованного ограничения права граждан на свободу выражения своего мнения.

Отдельно хочется обратить внимание на то, как эффективно управляют контентом службы безопасности популярных интернет-сервисов – крупных социальных сетей, таких как Instagram и Facebook. Так, пользователи,

регистрирующиеся в этих социальных сетях, принимают и соглашаются с правилами, призванными обеспечить безопасность и конфиденциальность при использовании сообщества, уже в процессе регистрации своих аккаунтов. Например, при регистрации в сети Instagram, принимают два организационных нормативных документа – это Руководство сообщества и Пользовательское соглашения. Как для простых пользователей сети, нам чаще всего неинтересны эти документы, и мы просто ставим «галочку» в поле «принять соглашение» и регистрируем свой аккаунт, не вникая в какие-либо детали правового поля использования социальных сетей. Но как для исследователей вопроса правового и нормативного регулирования контента и права на свободу слова в виртуальном пространстве социальных сетей, будет полезно проанализировать подобные пользовательские соглашения в целях обеспечения наиболее полноценного и содержательного результата исследования. Первое, на что хочется обратить внимание – в Руководстве сообщества четко сформулированы цели и задачи функционирования этого интернет-сервиса: «обеспечить возможность для людей различных культур, возрастов и убеждений черпать вдохновение и самовыражаться», «развивать самобытную и безопасную платформу для коммуникации людей». Нарушение правил и норм безопасности в Instagram ведет к удалению контента, блокировке аккаунтов и другим ограничениям. Правила, которых должны придерживаться пользователи сети, кратко можно охарактеризовать так:

- пользователь вправе публиковать только созданный им контент либо контент, которым он имеет право делиться;

- публикуемые пользователями изображения должны быть уместны для «многогранной аудитории» (запрещается публикация материалов, изображающих половые акты, половые органы, материалов, где изображены полностью или частично обнаженные дети);

- пользователь должен соблюдать законы (запрещено предлагать сексуальные услуги, покупать и продавать огнестрельное оружие, наркотики,

запрещена любая пропаганда террористической деятельности и любых других форм преступности);

- пользователи уважительно относятся друг к другу (запрещены угрозы, оскорбительные высказывания на основании расовой, этнической, национальной, гендерной, половой принадлежности);

- пользователи должны быть осмотрительны, делаясь информацией о важных событиях (Инстаграм вправе не допустить к публикации / удалить видеоматериалы с тяжелыми для восприятия сценами насилия).

Если пользователи замечают какой-либо недопустимый контент, они могут помочь работе службы безопасности Instagram, воспользовавшись встроенной возможностью пожаловаться – отправить жалобу на комментарии, сообщения, публикации, профили в сервисный центр Instagram, где команда интернет-сообщества ее рассмотрит и предпримет соответствующие необходимые меры или может даже обратиться в правоохранительные органы, если придет к выводу о реально существующей опасности причинения кому-либо вреда или угрозе общественной безопасности.

При этом в Руководстве акцентировано внимание не только на запретах, но и на дозволениях. Например, руководство сообщества разрешает «критическое обсуждение людей, которые появляются в новостях или имеют большую аудиторию поклонников из-за своей профессии или рода деятельности.

Таким образом, политика Instagram направлена на создание безопасной комфортной среды для коммуникации и самовыражения людей различных культур, возрастов и убеждений, при этом установлены ограничения с целью не допустить злоупотребление свободой выражения мнения, не допустить нарушения прав каждого пользователя Сети.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ

3.1. НЕСОВЕРШЕНСТВО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Законодательная база для регулирования интернет-контента имеется далеко не во всех странах, в Российской Федерации она также не совершенна.

Есть свои недостатки и у некоторых действующих, в частности «закона о фейковых новостях» и «закона о неуважении к власти».

Еще на стадии принятия так называемого закона «о фейковых новостях» («О внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и на закон «О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях») Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека было подготовлено экспертное заключение на законопроект и отмечена необходимость его доработки. Рассматриваемый нормативно-правовой акт предусматривает ограничение доступа к любым сетевым ресурсам в случае распространения сознательно неточной социально значимой информации, распространяемой под предлогом достоверной информации, которая угрожает жизни и здоровью граждан, массовым нарушениям общественного порядка, безопасности и прекращение функционирования средств жизнеобеспечения, транспорта или транспортных средств, нарушение деятельности социальной инфраструктуры, другие общественно-опасные последствия. А поправки в Кодекс об административных правонарушениях налагают значительные штрафы за разглашение этой информации.

Первое, что стоит отметить, это несогласованность юридических формулировок: статья 13.15 Кодекса об административных правонарушениях

устанавливает санкцию за распространение заведомо недостоверной информации, а блокировка какого-либо интернет-ресурса, предоставляющего информацию во внесудебном порядке производится при установлении факта недостоверности информации, в независимости от умысла субъекта, который ее распространил. Так, у контрольно-надзорных государственных органов – Роскомнадзора и прокуратуры подразумевается наличие презумпции знания абсолютной истины.

Второе, при обнаружении факта распространения недостоверной информации, Роскомнадзор немедленно направляет уведомление средству массовой информации с требованием удаления недостоверной информации «незамедлительно». Но, опять-таки, возникает пробел – владельцы сайтов и страниц в социальных сетях, которые производят и распространяют огромное количество информации, не являются средствами массовой информации. И получается так, что подобных уведомлений от уполномоченных органов они не получают и не обладают возможностью удалить информацию, не соответствующую действительности в добровольном порядке.

Представляет интерес тот факт, что если протокол о рассматриваемом административном правонарушении был сформирован до удаления правонарушителем недостоверной информации административная ответственность также наступает.

Не выяснен механизм установления наличия угрозы наступления указанных в законе общественно-опасных последствий. Поэтому правоприменители рассматриваемого нормативно-правового акта также скорее всего столкнутся с трудностями в определении того, как распространение недостоверных сведений повлияло на общественно-опасную угрозу в каждом конкретном случае.

При этом по-прежнему существует дискуссия по поводу насколько правомерным будет являться ограничение права на свободу выражения мнения только по мотиву недостоверности распространяемой информации. Например, в практике Европейского суда по правам человека можно найти следующее

применение 10 статьи Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: урезание границ свободы выражения мнения невозможно допустить только по причине недостоверности распространяемой информации. Так, в постановлении Европейского суда от 06.09.2005 г. По делу «Салов против Украины» суд, руководствуясь статьей 10 Европейской конвенции, он отметил невозможность и незаконность ограничения любых публичных дебатов или процесса обмена информацией, поскольку информация может быть неверной. Обратное заявление лишит людей права выражать свои взгляды и мнения в отношении заявлений, сделанных в средствах массовой информации, что наложит необоснованные ограничения на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции. (параграф 113).

Также, размер штрафов для юридических лиц, применительно к рассматриваемому закону – средств массовой информации, предполагаются от 400 тысяч до 1 млн рублей при повторном нарушении, без наступления тяжких последствий, что для многих российских средств массовой информации является значительной «неподъемной» суммой, а возможность допущения ошибок в новостных ресурсах достаточно высока. К тому же описанный в законе механизм блокировки информационных ресурсов ставит в шаткое положение в первую очередь российские информационно-коммуникационные ресурсы и компании. Как показал опыт блокирования сети LinkedIn, отказ от работы в российском сегменте интернета для крупной иностранной компании не представляет большой угрозы, в то время как для российской компании блокировка с большой вероятностью приведет к ее ликвидации.

По мнению Совета при Президенте по развитию гражданского общества и по правам человека, приведенные в анализируемом законе нормы об ответственности за распространение недостоверной информации являются чрезмерными, прокладывающими пути произвольного преследования граждан и организаций.

Результативным способом противостояния распространению так называемых «фэйковых новостей», касающихся событий и тем, вызывающих

общественный резонанс, является своевременное обеспечение граждан официальными органами власти максимально полной и достоверной информацией, а также раскрытие множества независимых экспертных мнений и точек зрения. На сегодняшний день усматривается достаточный уровень информационной компетентности у граждан и их способность самостоятельно оценивать поступающую из различных каналов информацию.

Также, у экспертной комиссии Совета при Президенте по развитию гражданского общества и по правам человека возникли вопросы и к тексту закона «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и закон «О внесении изменения в статью 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Следуя этому закону в случае распространения оскорбительной для человеческого достоинства, личности, нравственности, неуважительной по отношению к обществу, государству, представителям власти, государственным символам информации приостанавливается доступ к ресурсу, где эта информация была зафиксирована. Кодексом об административных нарушениях предусматриваются штрафы и административный арест до 15 суток за подобные высказывания. По мнению экспертной комиссии внесенные изменения не соответствуют условиям ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных статьей 55 частью 3 Конституции РФ. Конституционный суд РФ выразил свою позицию в постановлении № 14-П от 30.06.2011, свобода слова гарантируется не только возможностью государства свободно выражать свое мнение по различным вопросам посредством устных или печатных слов, но и условием эффективности общественного контроля за действиями государственных органов.

В соответствие с пунктом 2 статьи 10 Европейской конвенции по правам человека и частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации государственное вмешательство в право свободно выражать свое мнение и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны

властей могут быть оправданы какими-либо правомерными целями или ясной, настоятельной и определенной общественной потребностью. Еще на стадии рассмотрения законопроекта не было достаточно ясно какую именно легитимную цель преследуют его авторы, как отмечается в экспертном заключении Комиссии при Совете при Президенте. Один из соавторов анализируемого закона указал, что рассматриваемая норма обеспечивает административную ответственность за нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое сопровождается использованием нецензурной лексики в общественных местах. Такое регулирование направлено на охрану общественного порядка и защиту прав и свобод граждан. Но по мнению экспертной комиссии, распространение информации даже в неприличной форме само по себе не нарушает общественный порядок, следовательно сравнение такого деяния с мелким хулиганством не представляется релевантным.

Ограничения вводимые рассматриваемым законом некоторые исследователи считают избыточными так, как сами интернет-сообщества и социальные сети устанавливают различные правила пользования и пользовательские соглашения, различные своды правил, в которых, как правило, под запретом различные неприличные формы выражения явного неуважения к обществу и к государству, согласно которым рассматриваются жалобы на оскорбительный контент. Конечно, подобное саморегулирование социальных сетей и других интернет-платформ также не является совершенным и единственно верным способом регулирования, но и не будут стопроцентно эффективными действия каких-то одних уполномоченных органов власти, которые к тому же имеют значительно меньшие по сравнению с социальными сетями ресурсы и рычаги воздействия. Еще необходимо учитывать, что повседневная грубость как особенность неформального общения граждан между собой в Интернете не может быть уничтожена даже ценой вложения неоправданно большого количества средств административного и уголовного воздействия со стороны государства. Кроме того, санкции за посягательство на

честь и достоинство другого лица, принявшее неприличную форму, уже включены в Кодекс об административных правонарушениях посредством статьи 5.61. А в Уголовном кодексе Российской Федерации есть статьи, определяющие наказание за оскорбление представителя власти (статья 319 УК РФ), надругательство над государственным гербом Российской Федерации или государственным флагом Российской Федерации (статья 329 УК РФ).

Факт того, что искоренить любые проявления критики или неодобрения действующей власти, практически невозможно, так как невозможно угодить всем гражданам своими действиями или бездействием. В одном из своих определений Верховный суд РФ обосновал эту позицию – представители публичной власти часто принимают большие объемы критики в отношении своих действий или бездействий, и это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. То есть должностные лица должны быть готовы к публичному контролю их действий.

Наконец, учитывая, что свобода выражения мнения – это то, на чем строится демократическое общество, то, благодаря чему оно прогрессирует, содержание статьи 10 ЕКПЧ может применяться как к «информации» или «идеям», которые воспринимаются положительно, так и к тем, которые вызывают проявление всего спектра отрицательных эмоций (постановление от 7 декабря 1976 г. «Хандисайд (Handyside) против Соединенного Королевства»). Так было построено демократическое общество, в основе которого многообразие выражения идей и мнений и терпимость.

В преамбуле Совместной декларации о свободе выражения мнения и Интернете (принята 1 июня 2011 г. Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Представителем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по вопросам свободы средств массовой информации, Специальным докладчиком по вопросам свободы выражения мнений Организации американских государств (ОАГ) и Специальным докладчиком по вопросам свободы выражения мнений и

свободного доступа к информации Африканской комиссии по правам человека и народов) также провозглашено, что право делиться информацией и идеями включает также и защиту от информации и идей, способных нарушать естественный спокойный эмоциональный фон человека.

В заключение, хочется отметить несоответствие объема ограничительных мер для информационных ресурсов, где якобы распространяется информация, содержащая неприличное оскорбление действующей власти, опасности угрозу этого явления в некоторых случаях.

Можно критиковать попытки создания ограничений в интернет-пространстве, считая их не соответствующими принципам демократии, при этом альтернативы механизму блокировки нежелательного контента в арсенале средств государственного влияния пока нет. Сама структура интернет-сети не позволяет установить над ней полный контроль.

Тем не менее возможно определить некоторые общие векторы развития законодательной базы регулирования выражения свободы мнения в сети Интернет.

Во-первых, выявилась необходимость системного подхода к разработке на уровне одного отдельно взятого государства специального законодательства, которое регулировало бы сферу интернет-отношений. Нормы, регулирующие интернет-сферу на данный момент «разбросаны» по различным отраслям права, но при этом сохраняют свою общую специфичность и терминологию. В процессе разработки такого законодательства должны участвовать органы государственной власти, негосударственные общественные объединения пользователей и операторы интернета для установления баланса между свободой Интернета, защитой прав пользователей и обеспечением национальной безопасности России.

Во-вторых, при разработке и использовании национальных правовых норм регулирования интернет-отношений крайне важно учитывать и международный опыт правового регулирования данной сферы. Предпринимаемые шаги по

регулированию Интернета в России должны коррелировать с соответствующими принципами и нормами международного права.

3.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В последнее десятилетие российские власти усилили направление правового регулирования свободы выражения мнений в сети, избирательно квалифицируя критические высказывания по определенным темам как угрозы национальной безопасности и попытки раскачать ситуацию в обществе, взяв курс на отслеживание сетевой активности.

Первой наблюдаемой тенденцией является значительное увеличение числа «экстремистских» элементов преступления и тенденция к внедрению «экстремистских мотивов» в другие преступления. Следует отметить, что многие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащие этот термин, применяются к правонарушениям, связанным с публикацией информации во Всемирной паутине. Примерно с 2010 года возросло количество уголовных дел, связанных с "экстремистскими" преступлениями, в основном в связи с распространением недопустимого контента пользователями Интернета (особенно в связи с публикациями и репостами в социальных сетях и блогах). Исследователь, выявивший эту тенденцию, приводит статистику: в 2010 году по экстремистским статьям было вынесено 30 обвинительных приговоров, в 2015 году - уже 216; в 2014–2016 гг. около 85% всех обвинительных приговоров за «экстремистские высказывания» были связаны с действиями в Интернете с санкциями от штрафа до лишения свободы [Кондрашев, с. 115].

Также существенно увеличилось количество государственных органов, уполномоченных принимать решения о блокировании доступа к интернет-ресурсам. Соответствующие полномочия в настоящее время принадлежат:

судам, Министерству цифрового развития, телекоммуникаций и средств массовой информации Российской Федерации, Федеральной налоговой службе, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Генеральному прокурору Российской Федерации, Министерству юстиции РФ, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Росмолодежь, ФССП.

Кроме того, объем оснований для блокировки любых открытых информационных ресурсов в Интернете значительно расширился без разрешения суда. Так, до 2012 года суды выносили постановления о блокировании доступа к любым сайтам в соответствии с требованиями заинтересованных сторон (таких как граждане, организации, Федеральная налоговая служба, Министерство внутренних дел и т. Д.), В настоящее время рассматриваются случаи внесудебной блокировки со стороны Роскомнадзора по конкретным основаниям, на основании на основании обращений уполномоченных органов. Такими причинами могут быть: нарушение запрета на экстремистскую деятельность, сопутствующую деятельность организацией азартных игр, незаконное использование объектов интеллектуальной собственности, нарушение законов Российской Федерации, распространение информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних, информация о способах, методах разработки, изготовления, использования наркотических средств, продажа алкоголя онлайн, информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам.

Четвертая тенденция – порядок блокировки нежелательного и недопустимого контента принял форму административного, сократилось время на принятие решений о блокировании информации провайдером. Количество вынесенных административных постановлений растет ежегодно в сравнении с количеством судебных решений. Согласно внесенным в 2018 году изменениям в Закон об информации, хостинг-провайдер, получив уведомление от

Роскомнадзора, должен «незамедлительно» уведомить владельца сайта об этом, а тот, в свою очередь, должен также «незамедлительно» (в течение 24-х часов) удалить запрещенный контент, иначе сайт будет заблокирован. В перечне оснований для такого ускоренного процесса блокировки присутствуют «плавающие» оценочные термины, не исключающие возможности избирательного правоприменения, такие, как «размещение недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений».

Пятая тенденция характеризуется наличием в нормативно-правовых актах оценочных терминов, лишенных свойства формальной определенности, используемых для принятия решений о блокировании нежелательного контента. Например, возникают сложности с определением понятия «недостоверная информация», «заведомо недостоверная информация», «информация несоответствующая действительности», «неуважение к органам власти», «неприличная форма выражения» и др.. Понятия «недостоверная информация» и «информация, не соответствующая действительности» не тождественны. Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации «не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3). Напротив, недостоверными должны признаваться такие утверждения о фактах и событиях, которые не достойны того, чтобы верить в их соответствие действительности. Иными словами, категория достоверности информации имеет весьма косвенное отношение к объективной истинности информации и значительно большее – к доверию источнику информации. Вот почему вполне

вероятна ситуация, когда лицо, привлекаемое к административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации, имело основания верить в то, что распространяемая им информация соответствует действительности, особенно, если точная, всесторонняя и объективная информация отсутствует. Речь может идти о ситуациях стихийных бедствий, техногенных катастроф и в иных случаях, когда точной информационной картины нет даже у компетентных государственных органов. При этом произвольное признание судом факта заведомой недостоверности информации приведет к тому, что суд должен будет вторгаться в такие далекие от права вопросы, как вера и доверие. Это неминуемо приведет к нарушению в подобных делах конституционных прав граждан на свободу получения и распространения информации, на свободу слова, свободу мнений и свободу массовой информации (статья 29 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, политика государства в отношении регулирования интернет-контента видоизменяется от простого реагирования государства на размещенную в сети информацию к принятию достаточно жестких мер по фильтрации интернет-контента, причем без использования судебных решений только на основе усмотрения уполномоченных органов.

3.3. БЛОГОСФЕРА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ СОЦИАЛЬНОГО И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Понятие «блог» неоднократно исследовалось различными учеными. Так, И.М. Рассолов считал, что блоги - это форма неоформленного общественного диалога пользователей разных стран, который позволяет устроить «общественную дискуссию» без собрания граждан в одном месте. Беглова О.А. рассматривает блог как одно из средств, позволяющих удовлетворять потребность человека в коммуникации. А.Н. Тарасенкова считает, что блог открывает больше возможностей для самореализации личности, а блогерство в

наши дни стало высокооплачиваемой профессией – блогеры запабывают на жизнь рекламой каких-либо товаров и услуг, а иногда даже важных мероприятий (например, привлечение внимания к голосованию за поправки к Конституции в 2020 году). Так, по своей сути блог (от англ. Blog) – это личный дневник, представленный в сети Интернет на публичное обозрение. Чтение блогов фактически заменило чтение газет, к тому же расширило возможности к коммуникации: мы не только получаем и распространяем новости через блогосферу, но и обмениваемся мнениями по различным вопросам, чтение блогов также несет и развлекательную функцию. Также в интернет-пространстве появился и закрепился термин «блогер» - это человек систематически ведущий свой интернет-дневник, который пользуется популярностью у других интернет-пользователей. Блогеры могут иметь аудиторию размером в десятки и сотни тысяч и даже в несколько миллионов. В блоге можно встретить публикации на различную тему: личное мнение автора блога, заметки о каких-либо событиях, гражданскую позицию автора, его отношение к какой-либо имеющей общественный резонанс проблеме, также любой развлекательный контент, рекламные публикации, конкурсы, розыгрыши, видео-контент и т.д.

Блогам присущи такие свойства как периодичность и интерактивность, что означает регулярное обновление информации, выход новых постов практически каждый день в определенные часы наибольшей активности подписчиков блога и возможность взаимодействия подписчика с блогером (оставление комментариев, возможность задать блогеру вопрос, возможность получения обратной связи, возможность поучаствовать в каком-либо конкурсе, организованном блогером и др.).

В связи с развитием свободы распространения информации в сети Интернет, появился такой термин как гражданская журналистика, которая развивается как раз-таки с использованием блогов [Мухачев, с. 21]. Под гражданской журналистикой подразумевается освещение каких-либо событий, новостей, сопровождающееся выражением личной позиции автора блога или позиции какого-либо объединения или группы, которую представляет автор

блога, в виде записей, публикаций в блоге, которые общедоступны подписчикам, активно их комментирующим и обсуждающим. При этом в качестве автора публикации может выступать как непрофессионал, которым движет интерес к обсуждаемому вопросу, так и журналист, использующий блогосферу в качестве средства публикации. Так как в зоне сети Интернет нам доступна информация из любой точки мира с высокой скоростью ее получения, то и информация из различных публикаций блогеров распространяется очень быстро, за ее получение не нужно платить, кроме того такая информация часто сопровождается видео- и фотоматериалами, что играет важную роль в ее восприятии.

Таким образом блог – это такое общедоступное пространство для распространения контента среди подписчиков и где не исключается возможность общественной дискуссии. Отрицательные последствия проявляются тогда, когда отсутствует контроль за содержанием распространяемой блогером информации, которая распространяется с неограниченной скоростью.

Возникают проблемы, когда блогеры не проверяют информацию, о которой пишут, не заботятся о достоверности тех или иных сведений. В то же время подписчиками такие записи в блогах могут восприниматься как источник информации, заслуживающий доверия. Популярным блогерам доверяют, наделяют определенным авторитетом, они являются «лидерами мнений».

В 2014 году была предпринята попытка урегулировать деятельность блогеров на законодательном уровне – 1 августа в силу вступил так называемый «Закон о блогерах», а именно поправки, внесенные в закон «Об информации, информатизации и защите информации» с целью законодательного регламентирования процесса обмена информацией в социальных сетях. В какой-то степени эти нововведения приравнивали статус блогеров к статусу средств массовой информации: лицо, размещающее в открытом доступе какую-либо информацию на своей странице, которую просматривают, читают более 3 тысяч подписчиков в сутки, должно включаться в реестр Роскомнадзора.

Зарегистрироваться в реестре блогер мог либо по своей инициативе и заявке, либо дождаться уведомления от Роскомнадзора о включении его в реестр. При этом если возникают сложности при идентификации личности блогера, Роскомнадзор вправе получить данные от провайдера хостинга по запросу. Блогер может покинуть реестр, если ежедневная посещаемость его блога или страницы в социальной сети снизиться до показателя менее 3 тысяч пользователей в сутки и автор блога заявит об этом.

Также, новый закон обязал блогеров проверять достоверность информации до ее размещения и незамедлительно удалять в случае недостоверности, не допускать распространения информации экстремистского характера, информации о частной жизни граждан, маркировать свои публикации по возрастной категории. Таким образом в публикациях блога не может содержаться запрещенная к распространению информация.

Принятие данных поправок к «Закону об информации» вызвало неоднозначную реакцию в интернет-сообществе и со временем показало свою неэффективность в реализации данного правового акта в действительности. Во-первых, многие «лидеры мнений» усмотрели в этом ограничение своего права на свободу слова и были негативно настроены к нововведению. Во-вторых, имели место быть некоторые технические трудности претворения норм закона в жизнь. Оказалось, что оценить статистику посещаемости публичных интернет-страниц в некоторых случаях сложно или технически не возможно, так как статистика большинства зарубежных социальных интернет-ресурсов – это закрытая информация, и у российских ведомств нет рычагов воздействия на иностранные хостинги. Поэтому часть блогов, распространенных на территории Российской Федерации, как бы это парадоксально не звучало, не попадает в поле ее юрисдикции. Так, например, сервис Twitter не открыл Роскомнадзору данные о статистике аккаунта Ксении Собчак, представители интернет-ресурса заявили, что не располагают данными, необходимыми российскому ведомству и отказались удовлетворить запрос. То есть, данный ресурс находится под

юрисдикцией другого государства, и поэтому российскому ведомству было отказано.

Еще одним недостатком статьи 10.2 Федерального закона №149-ФЗ, являлось недостаточно подходящее определение понятия «блог». В законе говорилось о том, что блог – это интернет-сайт в виде личной персонализированной страницы в интернете, где каждый может проявить свои журналистские качества и вступить в дискуссию на какую-либо общественно-важную тему. Но на самом деле, при характеристике понятия «блог» на первое место выдвигаются высказывание личного мнения автора блога, наличие одного автора, возможность комментирования. Законодатель же сформулировал определение исходя из формальных признаков блога и количественной характеристики (ежедневное число посещений блога).

За время существования статьи 10.2 в Законе об информации не сложилось единообразной правоприменительной судебной практики. Например, при наличии соответствующих признаков, суд не признал ответчиков блогерами: в одном случае по причине того, что в материалах дела не было подтверждения того, что ответчик является владельцем сайта (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2015 года по делу №А45-2536/2015, Определение Красноярского краевого суда от 18 августа 2014 года по делу №33-8014/2014 А-26); в другой раз суд объяснил свою позицию тем, что ответчик не внесен в реестр Роскомнадзором как блогер (Определение Ивановского областного суда по делу №33-5045/2014). Мнения правоприменителей разделились и при определении могут ли являться блогерами юридические лица. Так, по постановлению Седьмого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2015 года по делу №А45-2536/2015, суд со ссылкой на часть 5 статьи 10.2, где к блогеру предъявляется требование о размещении на своем сайте своей фамилии и инициалов, обосновал свою позицию о том, что блогером является только физическое лицо. Прямо противоположную позицию обосновал Московский городской суд, который

признал блогером ООО «Мэйл.ру», а социальную сеть «Мой мир» - блогом (решение от 6 августа 2015 года по делу №7-7729/15).

В период действия статьи 10.2 Федерального закона №149-ФЗ один из исследователей провел мониторинг популярных блогов сети Интернет, с целью выяснить, насколько владельцы сайтов и персональных страниц, признанных блогами, соблюдают требования этой статьи: «Блогер обязан разместить на своем сайте или странице сайта в сети «Интернет» свои фамилию и инициалы, электронный адрес для направления ему юридически значимых сообщений». И обнаружил многие популярные блогеры совершенно не задумываются о соблюдении этого требования [Дорский, с. 56].

Таким образом, так называемый «закон о блогерах» не приносил ни вреда, ни пользы, был принят поспешно и не отображал реальной картины деятельности блогеров в Интернет-среде, механизм их взаимодействия со своей аудиторией и не в достаточной мере конкретизировал их правовой статус. К тому же, за нарушение статьи 10.2 Закона «Об информации» не было предусмотрено никакой ответственности, только Кодекс об административных правонарушениях предусматривал штрафы за непредставление или несвоевременное представление запрашиваемых сведений в контролирующее ведомство, то есть Роскомнадзор. «Закон о блогерах» на практике показал свою «бесмысленность» и юридическую необеспеченность применения и вскоре утратил свою силу.

Важно отметить, что в настоящее время ресурсы информационного воздействия представителей блогосферы на общественное сознание по своему объему и мощности сопоставимы с ресурсами, которыми обладают традиционные СМИ, а в некоторых аспектах блогеры их даже превосходят. Поэтому, в связи с тем, что новости сейчас создают не только журналисты, но и частные лица, необходим контроль блогосферы как со стороны государства (имеется ввиду нормативно-правовое регулирование подкрепленное определенными мерами государственного принуждения), так и саморегулирование со стороны общества. Под саморегулированием понимается

регулирование интернет-отношений через угрозу санкций со стороны самих членов интернет-сообщества (чаще всего общественного осуждения и порицания, жалоб со стороны пользователей на неприемлемый контент и др. действия интернет-пользователей). Можно привести как положительные, так и отрицательные примеры такого саморегулирования свободы выражения мнений среди представителей блогосферы. Например, в мае 2020 года развенулся резонансный скандал в сети Инстаграм вокруг известной телеведущей и блогера Регины Тодоренко. Девушка имела неосторожность в высказывании своего мнения по поводу актуальной для нашей страны проблемы домашнего насилия в одном из своих интервью в прямом эфире. Из озвученных девушкой фраз типа «А что ты сделала, чтобы он тебя не бил? А что ты сделала, чтобы он тебя ударил?» аудитория Тодоренко сделала вывод о том, что телеведущая считает, что женщины сами виноваты в том, что их бьют. Пользователи Сети позицию девушки не одобрили, и началась ее травля: девушку буквально засыпали осуждающими комментариями и сообщениями. После чего Регина Тодоренко принесла публичные извинения за свои неосторожные высказывания и решила сама разобраться в проблеме домашнего насилия и по возможности помочь женщинам, страдающим от этой проблемы или когда-либо столкнувшимся с ней. Телеведущая через несколько недель после скандала выпустила содержательный фильм о проблеме домашнего насилия в России, где в том числе была затронута проблема отсутствия правового регулирования данного аспекта на необходимом уровне и отсутствия должных мер наказания за такое правонарушение как применения насилия к членам своей семьи. Тем самым такая цепочка общественной реакции на затронутую животрепещущую проблему в российской действительности привела к сильному общественному резонансу вокруг вопроса домашнего насилия, что – хочется верить – в свою очередь, приведет к обращению законодателем своего внимания к правовому пробелу в этом вопросе.

Или другой пример положительного регулирования вопроса со стороны пользователей сети: по призыву одной из сетевых общественных организаций с

веб-сайтов были добровольно убраны 26 тысяч изображений порнографии, а акцию "Один день без контента" в целях контроля качества и адресности рекламы поддержали более 15% русскоязычных пользователей Интернета, благодаря чему администрация сервиса принесла официальные извинения своим клиентам и пообещала, что в будущем примет необходимые меры, чтобы вернуть им возможность вести сетевой дневник бесплатно и без рекламы [Федотов, с. 178].

Среди положительных примеров встречаются конечно же и отрицательные. Например, после пожара в ТЦ «Зимняя вишня» 25 марта 2018 года, в различных социальных сетях развернулись бурные обсуждения с целью выяснить «кто прав, кто виноват». Большое количество голословных обвинений досталось одному из работников торгового центра – в сети распространилось видео, на котором этот сотрудник якобы устраивает поджог. Подобное выражение мнения, а тем более голословные обвинения являются как раз негативным итогом простоты распространения информации в Сети и простоты формирования мнения пользователей.

Таким образом подобное саморегулирование способно стать полноценным средством защиты интересов человека и общества в целом в пределах Интернет-пространства. Но для этого необходим определенный уровень сознательности интернет-пользователей [Иванова, с. 36]. Необходимо условие того, что люди, видя какую-либо информацию в Сети, перестали слепо без какой-либо проверки ее достоверности распространять ее под влиянием эмоций.

В заключение, хочется отметить, что нельзя недооценивать ресурсы и влияние блогеров в социальных сетях – они являются очень сильными рычагами воздействия на общественное сознание, люди доверяют «лидерам мнений» и часто следуют их позиции, прислушиваются к их мнению, считают выданную ими информацию безоговорочно достоверной, и даже порой копируют их образ жизни, стараются подражать. В силу этого факта безусловно необходим государственный контроль этой сферы Интернет-сети, чтобы обеспечить информационную безопасность общества и государства. Не смотря

на то, что ведущая роль в регулировании свободы выражения мнений в социальных сетях и в частности в блогах принадлежит государству, нельзя забывать о том, что устанавливаемый со стороны государства контроль не должен лишать каждого конкретного индивида или общества в целом доступа к полной и объективной информационной и новостной картине происходящего в нашей стране и мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема регулирования интернет-коммуникаций в России на данный момент как никогда актуальна, ведь русскоязычный сегмент пользователей Сети – один из крупнейших в мире. Существующие на данный момент времени средства правового регулирования интернет-контента в Российской Федерации скорее относятся к либеральной модели, которой характеризуются большинство стран западной демократии.

В течение последнего времени законодатель предпринимал действия, чтобы законодательство отвечало вызовам современности, а именно новой информационной реальности: предпринимались и предпринимаются попытки регулирования общественных отношений в Рунете, с учетом и частных и публичных интересов. И не всегда такие попытки были удачными: порой законодатель отступает от принципа правовой определенности и иных условий допустимости ограничения конституционных прав и свобод.

Наблюдается тенденция к движению нашего государства от реагирования на фактически размещенный контент в сети к жестко контролируемому государством механизму многослойной фильтрации интернет-контента, причем без использования судебных решений только на основе усмотрения уполномоченных органов, использующих оценочные и неопределенные основания для принятия решений, что расширяет возможности для юридически опосредованного ограничения права граждан на свободу выражения своего мнения.

В качестве профилактики распространения «фэйков» в сети может выступить обеспечение предоставления гражданам официальными органами власти максимально полной и достоверной информации, а также наличие доступности для широкой аудитории независимых вариативных экспертных мнений. В настоящее время мы уже можем говорить о достаточно высоком уровне информационной компетентности и способности разобраться в качестве

аргументов в ходе открытой и свободной дискуссии в российском гражданском обществе.

Ограничение доступа к соответствующим информационным ресурсам в случае распространения информации, выражающей в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации и органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, представляется очевидно непропорциональным ограничением свободы слова и мнений.

На основе проанализированного материала, возникли предположения о том, что необходимо изменить для совершенствования законодательства и формирования судебной практики по регулированию права на свободу слова и выражения мнения в сети Интернет:

1) декриминализовать все деяния, предусматривающие ответственность за высказывания в Интернете, не содержащие прямых призывов к насильственным действиям или любым другим противоправным действиям (в том числе за репосты и лайки высказываний) по таким антиэкстремистским статьям как статья 280, 282 УК РФ, 148 УК РФ, 212.1, 284.1 УК РФ, не представляющих действительной общественной опасности.

2) Вернуть судебный порядок принятия решений о блокировании доступа к интернет-ресурсам, а административный порядок блокировки сохранить для случаев, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, с разработкой, изготовлением, использованием наркотических средств, а также связанных с организацией террористических актов.

3) Необходимо наделить правом обжалования решений, принятых как в административном, так и в судебном порядке о включении интернет-ресурсов в различного рода списки запрещенных сайтов всех заинтересованных лиц в том числе и граждан, так как в случае блокировки ресурса с запрещенным контентом одновременно может быть заблокирован доступ к информации, распространение которой не нарушает законодательства России.

Можно осуждать попытки создания ограничений в интернет-пространстве, считая их недемократическими, при этом альтернативы механизму блокировки нежелательного контента в арсенале средств государственного влияния пока нет. При этом нельзя забывать, что устанавливаемый со стороны государства контроль не должен лишать каждого конкретного индивида или общества в целом доступа к полной и объективной информационной и новостной картине происходящего в нашей стране и мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1.1. Конституция Российской Федерации: от 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г. – Собрание законодательства РФ. – 1993 – № 31.

1.2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме: от 04.11.1950 г.: с изменениями от 13.05.2004 г. – Бюллетень международных договоров. – 2001 – № 3.

1.3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. – Российская газета. – 1995. – № 67.

1.4. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

1.5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ: от 13 июня 1996 г.: по состоянию на 08.01.2019 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

1.6. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации № 2124: от 27 декабря 1991 г.: по состоянию на 12.03.2020 г. – Российская газета. – 1992. – № 32.

1.7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: от 27 июля 2006 г.: по состоянию на 03.04.2020 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – ст. 3448.

1.8. О персональных данных: Федеральный закон № 152-ФЗ: от 27 июля 2006 г.: по состоянию на 30.06.2018 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – ст. 3451.

1.9. О государственной тайне: Закон Российской Федерации № 5485-1: от 21 июля 1993 г.: по состоянию на 10.08.2018 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – ст. 8220.

1.10. О противодействии терроризму: Федеральный закон № 135-ФЗ: от 6 марта 2006 г.: по состоянию на 18.03.2020 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – ст. 1146.

1.11. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114-ФЗ: от 25 июля 2002 г.: по состоянию на 02.12.2019 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – ст. 3031.

1.12. О рекламе: Федеральный закон № 38-ФЗ: от 13 марта 2006 г.: по состоянию на 02.08.2019 г. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 12. – ст. 1232.

2. Научная литература

2.1. Авакьян С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. – М.: Юрист, 2013. – № 1. – С. 12-21.

2.2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. – 816 с.

2.3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. - 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

2.4. Балашов А.Н. Правовое регулирование Интернет- отношений: основные проблемы и практика реализации в России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – №2. – С. 113-118.

2.5. Бритвин Н.И. Социальные сети как прообраз общественного устройства // Власть. – 2008. – №1. – С. 45-49.

2.6. Ваховский Александр Михайлович Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и Российская практика // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2016. – №2. – С. 3-11.

2.7. Витрук Н.В. Конституционный статус личности в СССР / Редкол.: Витрук Н.В., Масленников В.А., Топорнин Б.Н. – М.: Юрид. лит., 1980. – 256 с.

2.8. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебник. – М., 1997. – 241 с.

2.9. Глушков А.В. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений. автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. – 198 с.

2.10. Дорский Андрей Юрьевич «Закон о блогерах»: правоприменительная практика // Интерактивная наука. – 2016. – №7. – С. 56-58.

2.11. Иванова К.А. Современное понимание права граждан на свободу мнения в киберпространстве // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 5. – С. 36 - 39.

2.12. Кант И. Метафизические начала учения о праве. Сочинения в шести томах. – Т.4. – Ч.2. – М., Мысль, 1965. – 544 с.

2.13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

2.14. Козлова, Е. И. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2016. – 146 с.

2.15. Козлова, Е.И Конституционное право России. Учебник. – М.: Проспект, 2018. – 106 с.

2.16. Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – №2 (35). – С. 112-119.

2.17. Коршунов С.В. Проблема регулирования правового статуса блогера в сети интернет // Инновационная наука. – 2016. – №12-2. – С. 174-176.

2.18. Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – №2 (36). – С. 134-142.

2.19. Лапаева В.В. Конституция РФ об основаниях и пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и экономика. – 2005. – № 1. – С. 11-17.

2.20. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1955. Т.1. – С.14-15.

2.21. Микаева А.С. Проблемы правового регулирования в сети Интернет и их причины // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №9 (70). – С. 67-75.

2.22. Муромцева А.В., Муромцев В.В. Проблемы информационной безопасности в социальных сообществах в сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2016. – №3 (5). – С. 84-91.

2.23. Мухачев С.В. Особенности правового регулирования блогосферы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – №1. – С. 20-23.

2.24. Наступление на свободу выражения мнений в России // Human Rights Watch: [сайт]. 2017. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2017/07/18/306656> (дата обращения 25.05.2020)

2.25. Новгородов Д.А. Понятие и общая характеристика интернет-отношений // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – №10. – С. 120-122.

2.26. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсисянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2004. — 944 с.

2.27. Прокофьева И. Политика регулирования контента в интернете // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2017. – №2. – С. 1-7.

2.28. Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanare: [сайт]. 2020. URL: <https://www.web->

canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy (дата обращения: 25.05.2020)

2.29. Свобода выражения мнения в Интернете // Organization for Security and Co-operation in Europe: [сайт]. 15 декабря 2011. URL: <https://www.osce.org/ru/fom/89063> (дата обращения 25.05.2020)

2.30. Соломина Марина Владимировна Свобода слова как правовая и политическая категория // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2008. – №3. – С. 158-161.

2.31. Федотов Михаил Александрович Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. – 2016. – №3 (112). – С. 164-182.

2.32. Щербович А.А. Свобода слова в Интернете: конституционно-правовой аспект: монография. — М.: ТЕИС, 2013. — 160 с.

2.33. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М., 2005. – С. 231.

2.34. Эктумаев, А. Б. Сущность права на свободу слова // Молодой ученый. – 2011. – № 8 (31). – Т. 2. – С. 65-70.

2.35. Эктумаев А.Б. Пределы и границы права на свободу слова // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №1. – С. 45-52.

2.36. Freedom of the Net 2015. Privatizing Censorship, Eroding Privacy. [Электронный ресурс] // Freedom House: [сайт]. URL: <https://www.freedomhouse.org> (дата обращения: 25.05.2020)

2.37. The Protection of the Children Act, Sexual Offences Act 2003. [Электронный ресурс] // [legislation.gov.uk](http://www.legislation.gov.uk) [сайт]. URL: <http://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 25.05.2020)

3. Материалы практики

3.1. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц постановление:

Пленума Верховного Суда РФ № 3: от 24 февраля 2005 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – 2005.

3.2. Дело «Салов против Украины»: постановление Европейского суда: от 06 сентября 2005 г. // Центр защиты прав СМИ [сайт]. URL: https://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/euror_practice36/ (дата обращения: 25.05.2020)

3.3. Определение Красноярского краевого суда от 18 августа 2014 года по делу №33-8014/2014 А-26 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aeZ5cfU3KV61/> (дата обращения 26.05.2020 г.)

3.4. Определение Ивановского областного суда от 21 августа 2014 года по делу №33-5045/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JKr2ton62qrB/> (дата обращения 26.05.2020 г.)

3.5. Решение Московского городского суда от 6 августа 2015 года по делу №7-7729/15 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bq5fVBI2b4Qu/> (дата обращения 26.05.2020 г.)

3.6. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2015 года по делу №А45-2536/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yCyL1wn8J76r/> (дата обращения 26.05.2020 г.)

3.7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 года № 46-КГ17-4 // Банк судебных решений: [сайт]. URL: https://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=1664530 (дата обращения: 25.05.2020)

3.8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черных Антона Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 295, 298 и 310 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ N 2741-О от 25 октября 2018 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25102018-n2535-o/> (дата обращения: 25.05.2020)